

ЭЗНЕСЕННЕ СЛОВА

Продолжение.
Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10.

«Сколько с гор родимых» – так называют чета горада книги академика Рафаэля Гусейнова. А это эпитет пад к ней.

Если ты не горит, так и знай, о душе!
Ни жила, ни мертвая, так горой, о душе!

Ещё раз прочитала эти две строки, которые написаны более десяти веков назад неким Баба Куки, и поразила мизантропия глубокого смысла, заключённого в них. Ведь если душа не способна гореть творческим пламенем, человек никуда путного не сможет создать. А тем более того, что могло бы пережить и не дождаться времени, в которое он жил и творил. Именно благодаря тому, что автор книги собрал в своём замечательном сборнике очерки о наших соотечественниках, душа которых была способна гореть, мы с благодарностью можем восхититься тем, что в далёкие-предалёкие времена жила талантливые мудрецы, философы, поэты. Их высокое слово, преодолевая пространство и время, пребывает в наших сердцах и побуждает нас гордиться славными страницами истории азербайджанской литературы. В прошлый раз в говорю о том, что каждую из предыдущих глав автор завершает словами, возносящими героев своего повествования на недосягаемую для простого смертного высоту. На этот раз я хочу обратить внимание наших читателей на то, с какой удивительной жизненной историей начиналось это повествование.

Учёный вычитывая в рукописях стихов девятистолетней давности. (Обратите внимание: вычитывая!) Старинный поэт говорил о бренности бытия, о неизбежности предвечной расставания с земным миром, подтверждая в высшие истины, призывая стремиться к свершению грандиозных дел, которые могут пережить то, что творца скоро в этой временной жизни.

Учёный переводил поэта строку за строкой на русский язык: «Нельзя возвести здания на волнороссы». Строка звучит нарядно, долго, долгого фундамент. Где они, венценосцы земли? Где Хосров дославный, и где Искендер? Где теперь Кейкубад и Джамиши, и колор Сулейманша? Где корона и трон шахиншаха Ирана?

Ещё ни Европа, ни Россия не знали этого поэта, жившего в X-XI столетиях... Тикали каменные часы, отсчитывая секунды и минуты. Где-то гремела Первая мировая война. Где-то стреляли, грохотали пушки, умирали, лились кровь. Учёный ориенталист был близким человеком донести до современников красоту древнего текста.

Это был известный русский востоковед Владимир Алексеевич Жуковский. Учёный перевёл последнюю строку стихотворения: «Стремись к высотам...». Он вывел последние слова. Перед внезапно застыло в руке. Случилось непредвиденное. Остановилось сердце. Перо успело написать только одну линию под последней строкой «Стремись к высотам!».

Пророк Мухаммед срывался чернилами, струящимся с пера учёного, с кровью шедшим. И его уход из жизни был напрягую связь с тем, что он написал. Ему ещё не исполнилось и 60 лет. Вскоре потрёпанные друзья, близкие, родные отпустили покой.

Академик В.Б. Бартольд на листке под ещё не успевшей похолодеть рукой написал карандашом дату: «4 января 1918».

Выдающийся учёный Валентин Жуковский в последние мгновения жизни думал об азербайджанском поэте-мыслителе – Баба Куки Бакуви.

И не прощаясь, он переводил с иранского языка на родной русский.

«Дороги ласки сподобил Создатель пернатых, Соплюя, голубой, горных птиц – куропаток. И они поуютно таят в сокровенных горах Тайны песен волшебных, крылатых».

Это четверостишие Баба Куки, с которым нас разделяет тысяча лет и с которым Аллах награждает божественным даром поэта, позволяющим увековечить своё слово.

Минуло около десяти веков, как он покинул мир, но живёт его стихи, живут предания о нём. Несмотря на это, реальность его существования также оспаривается. Ссылаясь на то, что приписываемые Баба Куки стихи были созданы спустя 500 лет после его кончины, находились в те, кто утверждал, писали, что не было на свете поэта Баба Куки. И среди них был известный иранский исследователь Абрахам Кезвини, который в своём труде «Надгробия» – «Памятные записки» ставит под сомнение существование реальной исторической личности под именем Баба Куки.

Однако, отметив, что ещё в XII веке великий Саади Ширازی в своём «Бустане», упоминает Куки, автор книги приходит к выводу, что это и другие источники подтверждают реальность фигуры Куки, а версии, выдвигающие его из истории литературы, терпят всякую похвалу под собой. И в качестве подтверждения своей версии Рафаэль Муллаев находит факт о том, что у Баба Куки два последних приюта. Один – в Ширване, где он прожил большую часть жизни, и где его талант заблестел со всей яркостью, а другой – в Ширване.

К тому же бытует зафиксированное в историчках предание о том, что поэтический дар был ниспослан гениальному Хафизу Ширвани именно при посещении святой горы Куки.

«Молюди Шамсаздин Мухаммед, гласит легенда, жаждал творческого саморазвития, но навлекши на себя иронические насмешки литературных злов, доведённый до отчаяния недоброжелателями однажды вылез на могилу Баба Куки и дал волю слезам, упав к нему на грудь». Обессиленный, забывшись слезам, он пролежал там до рассвета, когда вдруг его разбудило навязчивое: будто с неба хлынул сон ослепительный свет. Свободно выходя из гробницы, он заглянул в медраза, увидел улемов, уповали колодезь искорки в глазах своих недоброжелателей, и... огорчился их газелью, приведших их в изумление.

Пророчий на нем благодать снизошла И живую душу напрочь темень смела. Подарила душе угнетённой крыла. То награда была за мучения мои, Что допрел пережить, и души ожить, И медовой услугой промислился слезам. Муза в дар мне терпенье преподнесла. Я уверился, хребет счастливей мне дан И триумф над соперником мне предался...»

Несмотря на скептицизм слушателей, он и далее продолжал изучать малозначительные тексты, посвящённые перлам ширванских поэтов, и с тех пор Шамсаздин преобразовался в Хафиза, обессмертившего своё имя...

Перелистывая страницы этой главы, мы ещё не раз удивляемся чудесам, связанным в Баба Куки.

Далее на странице 133 автор пишет о том, что в 2004 году ему довелось участвовать на международных конференциях посвящённых поэзии и поэтам Норвуза в Иране под эгидой ЮНЕСКО. Воспользовавшись этим случаем, он посетил мавзолей Хафиза в Ширване, расположенный в окружении цветущих, посвящённых усады.

«В тюрбе-мавзолее царил, как обычно, оживление, было многолюдно, у входа в усыпальницу обстрелялись девушки. Погода была хорошая, в июле из их уст услышал, что они верят в достоверность легенды об озарении, посетившем Хафиза у могилы Баба Куки, и услышал от дервишей его газели, знакомые мне по старым манускриптам.

Одну из газелей Баба Куки, казалось, написал именно в навечерия Праздника Норвуза.

Предстаило рукописное видение, С синим солнцем схожее свечение».

Учистись чарам у него светили,
И днём, и ночью его пробормотали.
Как бабочка вокруг свечи кружится,
Кружится и в пылу самосожжения.
И был мне голос: «Отвернись от мира,
Ты восприимчив, сподобись причастности!»
Сию газель сложил Куки в Норвуз,
Познав его весенние винушности!»

Но ширванцы не думала, не гадали, что далекие от могилы любимого и чужие им Баба Куки на его родине, на земле азербайджанской существует другой последний приют поэта столь же почитаемый.

А тут ещё выясняется, что имя поэта, запечатлённое в истории, как Баба Куки, в различных средневековых источниках фигурирует в различном написании. Так в труде Самани «Китаб аль-ансоби» – Книга о «принадлежности», более древней «Тарих аль-ислам» – История ислама Закаби он представлен как Абу Абдулла Мухаммед ибн Абдулла ибн Убейдулла, а в позднейших сочинениях мы встречаем вариант: Али ибн Мухаммед – То есть Мухаммед сын Али...

Мухаммед, молодцу покинувший Ширван, некоторое время проживал в Баку. Отсюда и приписываемая ему в ряде историчек нисба – топонимический адресный знак – Бакуйи, ибн Бакуйи, Бакуви. Но будущий знаменитый поэт-философ получил образование в Нишапуре, где прожил часть жизни. Потому, хотя и редко он упоминается, как «Нишапурец».

Источники сообщают и такую подробность его молодых лет – Баба Куки, в целях приобщения к наукам, отправился в Басру (Ирак), где около времени общался с Абуль Гасаном Ашари.

Из повествования на странице 136, мы узнаём о том, что Баба Куки получил основательное образование, писал на фарси, на арабском языке стихи, трактаты, преподавал на этих языках, имел своих учеников и последователей.

А также о том, что трактат «Хафт-иглим» свидетельствует о многих странствиях Баба Куки, о его неистощимой и завораживающей загадочной мы узнаём множество историй и преданий.

Абдулла Ансари со слов Баба Куки

записал 30 тысяч историй, 30 тысяч хадисов (притчи) и 30 тысяч афоризмов.

Выдающийся востоковед Евгений Эдуардович Бертельс, особо изучавший «Диван» поэта, подхитрил скептически к названным цифрам. Но зря! Феноменальность его памяти подтверждает большинство средневековых историчек, – пишет Р. Гусейнов

Много странствующих многое и познаёт. Это истина на все времена. А в эпоху Баба Куки – тем более. Но была и одна тайная причина его постоянных скитаний – тоска неразделённой любви, горечь которой томил его душу, а позднее подлила к отшельничеству, обитанию в горной пещере, где он искал утешение в мистических медитациях. Однако и здесь он не оставался в одиночестве. В поисках ответа на заботящие их вопросы бытия к нему потянулись единомышленники. Премудрый Баба не отказывал никому в помощи, поддержке, совете. Последним «Куки» («- ку» на фарси означает «гора») связан с его пещерной аскезой.

До Баба-горы дорога – Камни, скалы и мороза,
Душу за нею положили,
Горы великие, домога,
Тропы тесные наладил.
Земли, склоны благодатны.
Кто взойдёт – мечты достигнет,
Менит взоры вид отдалёный.

На странице 140 автор рассказывает о том, что Бабадиз – священная гора в окрестностях Шамана высотой до трёх километров над уровнем моря. Ежегодно в разгар лета жители совершают хождение на вершину в надежде на осуществление заветных желаний. Имена их поэтов названы на свете улемов, да в их честь возведены памятники. Баба Куки – единственный поэт был увековечен в названии горы. Эта гора представляет монумент природы, сотворённый Всевышним в благодарности за служение верующему поэту.

Продолжение следует.

Подготовила
Медина ГАСАНОВА